

исследователей.

Значительное внимание псковский законодатель уделяет краже. Мы уже говорили о новых основаниях выделения квалифицированных составов кражи, характеризуя наиболее опасные деяния. В то же время в Псковской Судной грамоте обнаруживается тенденция упрощения системы преступлений. Здесь все еще указывается кража барана, овцы, гусей и т.д., однако все эти преступления уже объединены в рамках одной статьи (ст. 112) [1, с. 342]. Следует упомянуть и еще один квалифицированный состав – кражу из закрытого помещения, воза, ладьи и т.п. Если речь шла о краже, когда потерпевшая сторона предпринимала меры по обеспечению сохранности имущества, величина продажи в пользу князя увеличивалась до девяти денег [1, с. 331].

Анализ преступлений против личности и против собственности, регулируемых Псковской Судной грамотой позволяет сделать вывод о характере развития института юридической ответственности средневековой Северо-Западной Руси. Конечно, в данном источнике права, как и в предшествующих ему, отсутствуют универсальные признаки и критерии классификации правонарушения и юридической ответственности, правовые нормы носят казуистический характер. В то же время начинает проявляться стремление к упрощению системы преступлений, а с другой стороны – тенденция к индивидуализации юридических санкций. Возрастает значение возмещения ущерба, о чем ярко говорит

изменившаяся санкция за разбой. Появляется неизвестная Русской Правде тенденция выделения государственного преступления. Псковская Судная грамота отразила как специфику развития юридической ответственности в Северо-Западной Руси, так и общерусские процессы эволюции данного института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X – XX вв. – М., 1984. Т. 1.
2. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной Грамоте. – СПб., 1855.
3. Мартысевич И.Д. Псковская Судная грамота. – М., 1951.
4. Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X – XX вв. – М., 1984. Т. 1.
5. Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв. – М., 2007.
6. Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. – М., 1947.
7. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. – Л., 1980.
8. Исаев М. М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII—XV вв. // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук. – М., 1948.
9. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. – М.- Л., 1949.

A PROBLEM OF LEGAL RESPONSIBILITY ACCORDING TO THE PSKOV JUDICIAL CHARTER

© 2014

*Ir. Yu. Sutyagina, competitor of chair of state-legal disciplines
 Samara legal institute of the Federal penitentiary service of Russia, Samara (Russia)*

Annotation: The article deals with the legal responsibility institution in the Pskov Judicial Charter. The system of offences and penalties is investigated. The significance of the Pskov Judicial Charter in the evolution of legal responsibility in medieval Rus' law is detected.

Keywords: legal responsibility, Pskov Judicial Charter, tatba, perevet, golovshina, individualization of legal sanctions.

УДК 343.01

ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛЕГАЛЬНЫХ ДЕФИНИЦИЙ В КОДИФИЦИРОВАННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

© 2014

*С.С. Тихонова, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета,
 доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета*

*Т.А. Бачурина, аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета
 Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород (Россия)*

Аннотация: В настоящей статье определяется назначение легальных дефиниций, рассматриваются юридико-технические требования к определению их количества и дается оценка перспективным вариантам изменения подходов к определению их местонахождения в кодифицированном уголовном законе.

Ключевые слова: глоссарий, дефиниция, нормативно-правовое предписание, примечание, уголовный закон, юридический термин, юридическое понятие.

Легальная (законодательная) дефиниция представляет собой определение юридического понятия, содержащееся в тексте законодательного акта [1, с. 10-14]. Соответственно в зависимости от наличия в тексте законодательного акта, в котором употребляется юридический термин, легальной дефиниции обозначаемого данным юридическим термином понятия термины могут быть дефинированными или недефинированными.

По мнению А. Ф. Черданцева к легальным следует относить и дефиниции, содержащиеся в актах официального толкования [2, с. 262-265]. Однако среди дефиниций, полученных в результате официального толкования законодательного акта, к числу легальных можно причислять только дефиниции, содержащиеся в

актах аутентического толкования, имеющих внешнюю форму, аналогичную разъясняемому акту [3, с. 359]. Что касается делегированного толкования, осуществляемого в Российской Федерации специально уполномоченными на это высшими судебными органами, то в связи с принципиально иной правовой природой издаваемых данными органами актов официального толкования целесообразнее именовать содержащиеся в них дефиниции не легальными, а судебными.

Независимо от вида дефиниций, все они способствуют «совершенствованию праворегулирующего процесса в целом и правовой коммуникации в частности» [4, с. 79-80]. Однако легальные дефиниции наделяют законодательный акт свойством самообъяснимости. При этом законодательное определение юридического

понятия не может оставаться неизменным, оно подтверждено естественным корректировкам, соответствующим различным этапам развития законодательства. Более того, «когда речь идет о совершенствовании закона, это означает, что модернизации должно подвергаться в первую очередь его дефинитивное содержание» [5, с. 15], поскольку именно легальные дефиниции выступают в качестве метода формирования и обновления правового языка, формы изменения права в целом [5, с. 26, 64]. Таким образом, «стабильность юридической терминологии» и «стабильность содержания юридической терминологии» – неравнозначные понятия.

Так, например, согласно примечания к ст.170 УК РСФСР 1960 года «Злоупотребление властью или служебным положением» должностными лицами признавались «лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию». В настоящее время к должностным лицам относятся только лица, выполняющие вышеперечисленные функции «в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации» (примечание 1 к ст.285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями»).

Вопрос об общем количестве дефиниций, допустимом в законодательном акте, в настоящее время является дискуссионным. Так, по мнению одних представителей правовой науки они составляют «фундаментальную конструкционную часть всей логико-лексической архитектуры акта» [5, с. 14] и существует прямая зависимость пробельности дефинитивного регулирования и коррупционности нормативно-правового акта [5, с. 48; 6, с. 216]. В этой связи, например, в диссертационном исследовании А. А. Нечепуренко отмечается «необходимость комплексного решения проблемы закрепления в уголовном законе дефиниций, касающихся всей системы уголовно-правового принуждения» [7, с. 23]. Известны и, напротив, сторонники ограничения законодательного дефинирования, считающие, что «стремление «задефинировать» любую терминологию ошибочно» [8, с. 265]. Существует и категоричное мнение, согласно которому, «если убрать из системы права все законодательные дефиниции (дефинитивные нормы), то суть и содержание правового регулирования не изменятся» [9, с. 5].

Оценивая соответствующие позиции и решая вопрос о том, какая из них в большей степени заслуживает поддержки, следует помнить, что задача принятия любых юридико-технических решений – не создание затруднений, а, напротив, облегчение деятельности правоприменителя при работе с текстом нормативно-правового акта. В этой связи следует приветствовать наличие дефинитивных законодательных конструкций в нормативном юридическом документе. В то же время резкой критики заслуживает бессмысленное дефинирование – введение в законодательный акт определений общеупотребительных слов, не обладающих никакой юридической спецификой и понятных на основании стандартной литературной грамотности. Примером такого дефинирования может служить определение «поддержки терроризма», закрепленное в примечании 2 к ст.205.4 УК РФ

«Организация террористического сообщества и участие в нем». Согласно данному определению поддержка терроризма – это «оказание услуг, материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующих осуществлению террористической деятельности». Соответственно поддержка понимается как любая услуга или помощь, что понятно и без обращения к тексту рассматриваемого примечания. В текст законодательного акта должны быть введены только определения юридических понятий, обозначенных соответствующим юридическим термином, отсутствие которых способно повлечь возникновение сложностей в уяснении значения конкретного правового явления. Иначе, действительно, «чрезмерное увлечение и пресыщение дефинициями законодательного массива может оказаться вредным» [5, с. 16], превратив «систему права в толковый словарь» [9, с. 72].

В тексте кодифицированного уголовного закона легальные дефиниции в настоящее время располагаются как непосредственно в статьях, так и в дефинитивных примечаниях к ним [10, с. 297]. Расположение легальных дефиниций в статьях Общей части и в примечаниях к статьям Особенной части приводит к образованию так называемых особых (нетипичных) дефинитивных норм права [11, с. 7; 12, с. 101, 137, 142]. Соответствующие нормы в отечественной правовой науке принято признавать вторичными (техническими) в связи с тем, что они лишены смысла без первичных норм – правил поведения, непосредственно определяющих права и обязанности субъектов [13, с. 24]. Данный теоретический подход находит отражение и в п.2 Методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов, совместно подготовленных Правовым управлением Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ (далее – ГД), Правовым управлением Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Главным государственно-правовым управлением Президента РФ, Правовым управлением Аппарата Правительства РФ и Министерством юстиции РФ, исходя из отечественного и зарубежного опыта законопроектной деятельности последних десятилетий, и утвержденных письмом Аппарата ГД от 18 ноября 2003 года № вн2-18/490 [14] (далее – Методические рекомендации 2003 года), где разделяются два понятия – «самостоятельные нормативные предписания» и «легальные дефиниции». Расположение легальных дефиниций в статьях Особенной части не порождает образования дефинитивных норм права, поскольку, занимая всю диспозицию либо ее часть, дефиниции органически включаются в первичные нормы – правила поведения [15, с. 245]. Однако смешение функций уголовно-правовых предписаний усложняет их коммуникативную эффективность, в связи с чем более рациональным юридико-техническим правилом (требованием) для Особенной части является помещение легальных дефиниций в дефинитивные примечания.

Один из важных юридико-технических вопросов, связанных с введением дефиниций в любой нормативно-правовой акт – вопрос об оптимальном определении их местонахождения с точки зрения привязки к юридическим терминам. И здесь в первую очередь необходимо отметить юридико-техническое правило (требование), решающее вопрос о количестве легальных дефиниций одного и того же юридического понятия, обозначенного соответствующим термином, несколько раз упоминающимся в тексте нормативно-правового акта: «если дано определение какому-либо понятию в одном месте нормативного акта, то отпадает необходимость определять данное понятие при каждом новом его упоминании» [16, с. 102].

Следующее юридико-техническое правило решает вопрос о том, в привязке к которому из повторяющихся на протяжении текста нормативно-правового акта тождественных юридических терминов

должна быть расположена легальная дефиниция соответствующего юридического понятия: легальная дефиниция должна конструироваться при первом употреблении юридического термина. Однако данное правило обусловлено логикой единовременного и последовательного (сообразно нумерации структурных составляющих) прочтения нормативно-правового акта заинтересованным лицом, каковая применима только к нормативно-правовым актам «малых фрагментарных форм» [17, с. 226].

Для объемных нормативно-правовых актов, какими являются кодексы, прочтение которых в один прием не только весьма затруднительно, но и нецелесообразно, допустимы исключения из вышеуказанного правила: для облегчения процедуры нахождения легальной дефиниции в законе большой формы она может быть помещена в месте, обусловленном логическим ходом развития нормативно-правовых предписаний. Именно поэтому, например, легальная дефиниция жилища (примечание к ст.139 УК РФ «Нарушения неприкосновенности жилища») и хищения (примечание 1 к ст.158 УК РФ «Кража») помещены в УК РФ при первом употреблении соответствующих юридических терминов. При конструировании же легальной дефиниции наказания законодатель обоснованно избрал ее местом главу 9 УК РФ «Понятие и цели наказания. Виды наказаний», несмотря на то, что сам юридический термин «наказание» использовался законодателем, начиная с главы 1 УК РФ «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации».

Однако в определении законодателем местонахождения дефиниции конкретного юридического понятия в УК РФ встречаются и недостатки. Так, например, примечание 2 к ст.205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем» содержит дефиницию «поддержки терроризма», распространяющую свое действие на ст.205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и ли публичное оправдание терроризма», точнее – на примечание к данной статье, в котором впервые в УК РФ употребляется выражение «поддержка терроризма». И возникают серьезные сомнения в том, что помещение законодательного определения при втором употреблении рассматриваемого выражения является более удобным для правоприменителя.

Наличие многочисленных исключений, допущенных законодателем при определении местонахождения ряда легальных дефиниций в УК РФ фактически «размывает» правило помещения легальных дефиниций при первом употреблении юридического термина в уголовном законодательстве, затрудняя поиск необходимой уголовно-правовой информации. В этой связи в российской правовой науке актуализируется вопрос определения оптимального местонахождения легальных дефиниций в нормативно-правовых актах больших форм.

Согласно позиции В. М. Баранова законодательные дефиниции вообще целесообразнее всего размещать в преамбулах, чтобы они предшествовали нормам закона [5, с. 40, 58; 12, с. 101]. Однако в п.2 Методических рекомендаций 2003 года содержится настоятельная рекомендация законодателю не включать в преамбулу нормативные предписания вообще и легальные дефиниции, в частности. Аналогичным образом вопрос о местонахождении легальных дефиниций решен и в п.3.20 Рекомендаций по подготовке и оформлению федеральных законов, изданных в 2000 году коллективом ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ [18, с. 564-583]. Кроме того, перевод легальных дефиниций в преамбулу, если таковой осуществить, не просто понизит их статус, но и вызовет деструктуризацию кодифицированного закона, для Уголовного кодекса в первую очередь

– его Общей части. Подобная деструктуризация – оригинальный, но не оправданный потребностями правоприменительной практики шаг, в то время как задача любых перспективных структурных новаций – оптимизация правоприменительных процессов.

В российской правовой науке существует и такое инновационное предложение – конструировать в нормативно-правовых актах постранично-ссылочную систему легальных дефиниций, т.е. помещать их не в самом тексте закона, а за его пределами с помощью ссылки. Однако подобное нестандартное перераспределение текста способно привести к недопониманию юридической силы правовых предписаний, содержащихся в ссылках. Кроме того, по собственному признанию автора рассматриваемого предложения среди опрошенных практических работников в поддержку данного инновационного решения высказываются не более 2% опрошенных [19, с. 353].

Ряд представителей общей теории права отстаивает позицию о целесообразности расположения легальных дефиниций в первой главе нормативно-правового акта [3, с. 121, 174]. Более того, наличие специальной рубрики, посвященной определению используемых понятий, раскрытию вводимых в законодательство терминов рассматривается ими как норма законодотворческой техники. Данная позиция – заимствование юридико-технического приема определения местоположения дефиниций, принятого в странах общего права, прошедшая апробацию в уголовном законодательстве ряда стран – представителей романо-германской системы права, в т.ч. стран - членов СНГ (например, ст.4 «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса» главы 1 «Общие положения» раздела I «Уголовный закон» УК Республики Беларусь).

По мнению М. С. Жука, отстаивающего целесообразность выбора в качестве рубрики-гlossария статьи, целесообразно расположить ее в Общей части, в частности, обращаясь к действующему УК РФ – «после декларации принципов, но перед описанием пределов действия Уголовного кодекса РФ» [20, с. 53], то есть в гл.1 «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации» (изменив ее наименование) раздела I «Уголовный закон». Действительно, данная статья («Вводные замечания», «Вводные понятия», «Понятийный аппарат» или «Разъяснение некоторых наименований, содержащихся в настоящем Кодексе») [21, с. 138; 22, с. 128; 23, с. 65; 24, т. 2, с. 299] могла бы вмещать в себя легальные дефиниции юридических понятий «сквозного» содержания, используемых законодателем в Особенной части. Легальные дефиниции, представленные в Общей части кодифицированного уголовного закона, вопреки позиции М.С. Жука [20, с. 53], не следует перемещать в данную вновь образованную рубрику, поскольку они располагаются в рамках законодательной характеристики соответствующих уголовно-правовых институтов.

Естественный вопрос, возникающий при концентрированном изложении легальных дефиниций – вопрос их последовательности. Существует два способа разрешения такового: алфавитный порядок юридических терминов или их группировка сообразно правовым институтам.

В свое время Ф. Бэкон утверждал, что никогда не следует располагать термины в алфавитном порядке, а «лучше всего распределить весь материал так, чтобы термины, относящиеся к одному предмету, были помещены рядом, взаимно помогая пониманию каждого из них». Обращаясь к опыту белорусского законодателя следует заметить, что именно такой подход использован в ст.4 УКРБ «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса». Так, ч.ч.7-9 ст.4 УК РБ последовательно дают определения юридических понятий, характеризующих

возрастную специфику потерпевшего - «малолетний», «несовершеннолетний», «престарелый», а ч.ч.10-11 ст.4 УК РФ – определения юридических понятий, характеризующих специфику мотивации виновного – «корыстные побуждения», «хулиганские побуждения». Однако подобный порядок изложения легальных дефиниций представляется недостаточно удобным в связи с необходимостью прочтения всего столбца юридических терминов в поисках требуемого. При большом количестве задефинированных юридических терминов для этого требуется значительное время. Поэтому только алфавитная последовательность – гарант быстрого нахождения интересующей адресата уголовно-правовой информации.

Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ «Целевой конкурс по поддержке молодых ученых» (231-95-1539)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонова С. С. Конструирование легальных дефиниций в современном уголовном законодательстве // Теория и практика науки третьего тысячелетия: Матер. Межд. научно-практ. конф., г. Уфа, 7 марта 2014 г. / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа: Изд-во РИЦ БашГУ, 2014. С.10-14
2. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003. 381 с.
3. Кашанина Т. В. Юридическая техника: Учебник. М.: Эксмо, 2007. 437с.
4. Романова Е. А. К вопросу о правовом тексте как информационном средстве правовой коммуникации // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. №2 (35). С.79-80
5. Баранов В. М., Матюшкин Г. О., Пацуркивский П. С. Многополярность и полифункциональность законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Матер. Межд. «круглого стола», г. Черновцы, 21-23 сентября 2006 г. Н. Новгород: Изд-во НИИПЦ «Юридическая техника», 2007. С.14, 15, 16, 26, 40, 48, 58, 64
6. Тихомиров Ю. А. Обеспечение законности // Власть, закон, бизнес. 2005. №168. С.216
7. Нечепуренко А. А. Испытание в уголовном праве: Автореф. дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.08. Омск, 2009. С.23
8. Власенко Н. А. Рецензия на книгу «Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы» // Юридическая техника. 2007. №1. С.265
9. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. 320 с.
10. Тихонова С. С. Примечания в Уголовном кодексе Российской Федерации: разновидности, назначение и юридико-техническое оформление // Закон и правоприменительная практика: Матер. II Межд. научно-практ. конф., г. Н. Новгород, 30 июня 2013 г. Н. Новгород: Цезиус, 2013. С.297
11. Хайретдинова, М. Д. Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2008. С.7
12. Юридическая техника: Курс лекций / Под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика. М.: ДГСК МВД России, 2012. 384 с.
13. Поляков А. В. К понятию юридической техники // Юридическая техника: вопросы теории и истории / Отв. ред. Д. И. Луковская. СПб., 2005. С.24
14. Комментарий к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов. М., 2005
15. Тихонова С. С. Инновационный общетеоретический лекционный курс «Юридическая техника»: взгляд отраслевика. Рецензия на курс лекций «Юридическая техника» под редакцией В.М.Баранова и В.А.Толстика (М., 2013. 384 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. №23. С.245
16. Усков О. Ю. Юридическая техника как формально-догматическая методология. Белгород, 2007. 147 с.
17. Ушаков А. А. Законодательная техника // Ученые записки Пермского университета. 1970. №238. С.226
18. Законотворчество в Российской Федерации: Научно-практ. пособие / Отв. ред. А.С.Пиголкин. М., 2000. С.564-583
19. Туранин В. Ю. Проблема выбора оптимального способа закрепления дефиниции в законодательном тексте // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. Т.1. С.353
20. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: Автореф. дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.08. Краснодар, 2013. С.53
21. Иванова В. В. Адаптационная емкость уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за насилие и соучастие в преступлении // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: Изд-во РКА, 2002. С.138
22. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. 348 с.
23. Лопашенко Н. А. Парадоксы и проблемы законодательной регламентации принципов уголовного права и пути их преодоления // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правоприменительный уровень. Ч.1: Матер. научно-практ. конф., г. Саратов, 28-29 марта 2005 г. Саратов: Изд-во СГАП, 2005. С.65
24. Паныко К. К. Технико-юридическое качество внутренних свойств уголовного закона // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. Т.2. С.299

QUESTIONS OPTIMIZE THE LOCATIONS IN CODIFIED LEGAL DEFINITION OF THE CRIMINAL LAW

© 2014

S.S. Tikhonova, Cand. Sc. (Law), Associate professor, Deputy Dean for Research, Associate professor of Department of Criminal Law and Criminal Procedure

T.A. Bachurina, Postgraduate student of Department of Criminal Law and Criminal Procedure
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod (Russia)

Annotation: In this article the appointment of legal definitions, are considered legal and technical requirements for the determination of the number and an assessment of promising options to change the approach to the determination of their location in the codified criminal law.

Keywords: glossary definition, regulatory prescription, note, criminal law, a legal term, a legal concept.